

В диссертационный совет 24.2.379.07,
созданный на базе федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева» (443011 г. Самара,
ул. Академика Павлова, д. 1, корпус 22)

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
на диссертационное исследование соискателя ученой степени
кандидата юридических наук Корчагиной Кристины Александровны
на тему «Правосубъектность должностных лиц органов
прокуратуры в уголовном судопроизводстве»
по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тема диссертационного исследования К.А. Корчагиной, посвященного правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, безусловно, является не только **актуальной, но и имеющей важное практическое значение.** Участвуя в уголовно-процессуальной деятельности, прокурор и иные прокурорские работники обладают различным должностным статусом и, как следствие, разной по объему и содержанию правосубъектностью. Несмотря на то, что закон априори относит их к стороне обвинения, цели их деятельности не всегда носят однозначно обвинительную направленность. Столь же неоднозначными являются и границы правосубъектности прокурора как надзирающего субъекта и как субъекта, осуществляющего уголовное преследование. В силу этого исследование правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве позволило автору разграничить участников уголовного судопроизводства, являющихся сотрудниками органов прокуратуры; определить порядок и способы получения ими правосубъектности; выявить возможные уголовно-процессуальные статусы прокурорского работника; увидеть различия в целях, полномочиях и формах деятельности должностных лиц органов прокуратуры при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Входящий № *206-Пд.36*
Дата *24 СЕН 2025*
Самарский университет

Результаты подобного исследования, теоретические положения и выводы, содержащиеся в диссертации, развивают научные знания о процессуальном статусе прокурора и иных должностных лиц органов прокуратуры на различных стадиях и этапах уголовного процесса.

В теории российского уголовного процесса проблемам, связанным с деятельностью прокурора в уголовном судопроизводстве, уделено огромное внимание. К.А. Корчагина впервые на монографическом уровне последовательно рассматривает уголовно-процессуальную правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры, раскрывает системные связи между правовым статусом должностных лиц органов прокуратуры, их правосубъектностью и участием в уголовно-процессуальной деятельности. Такой подход, **свидетельствующий о новизне представленной автором диссертации**, позволил соискателю сформулировать ряд суждений, развивающих теорию уголовно-процессуального права положениями о роли и полномочиях прокурора и других прокурорских работников в уголовном судопроизводстве в аспекте их уголовно-процессуальной правосубъектности.

Нормативное содержание правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве излагается автором на основе законодательства России, с учетом теоретико-правовых позиций, изложенных в решениях Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

В целом диссертантом достаточно **успешно реализована цель исследования** – разработка и обоснование положений, раскрывающих теоретические и нормативно-правовые основы правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве. При этом автором были поставлены и решены научные задачи, имеющие значение как для теории уголовного процесса, так и для практики его осуществления.

Достоинством представленной работы является использование в ней многочисленных литературных источников и нормативных актов. Содержание диссертации оживляется полемикой, которую соискатель успешно, и в то же время корректно ведет с другими авторами.

Логичной выглядит **структура работы**, состоящей из введения, трех глав и заключения. Первая глава работы закономерно посвящена исследованию сущности уголовно-процессуальной правосубъектности и способов ее приобретения участниками уголовного судопроизводства. Во второй главе автор подвергает анализу правосубъектность прокурора, рассматривая его полномочия по осуществлению надзора за органами предварительного расследования и по осуществлению уголовного преследования и защите правопорядка при производстве по уголовным делам. И в третьей главе рассматривается уголовно-процессуальная правосубъектность иных должностных лиц органов прокуратуры.

Вполне состоятельными являются методологическая, правовая, эмпирическая и теоретическая основы исследования.

В целом достаточно обоснованными выглядят положения, выносимые автором на защиту (с. 10-14 диссертации).

Теоретические положения, выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства и практики его применения, составляющие содержание диссертации, **сформулированы К.А. Корчагиной самостоятельно и отражены в полученных ею научных результатах**, многие из которых представляются интересными и заслуживающими поддержки. К ним, в частности, относится проведенное автором исследование понятия правосубъектности как самостоятельной юридической категории, характеризующей готовность субъекта права на основе приобретенной им право- и дееспособности участвовать в отраслевых правоотношениях, авторское видение соотношения понятий «субъект права», «правосубъектное лицо», «участник правоотношения», сформулированное

соискателем понятие уголовно-процессуальной правосубъектности и способов ее приобретения участниками уголовного процесса (положение 1, выносимое на защиту, параграф 1 главы 1 диссертации).

Хотя и не новым, но в полной мере обоснованным видится вывод автора о том, что отдельные полномочия, осуществляемые прокурором и иными должностными лицами органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, не охватываются рамками надзора и уголовного преследования (обвинения) и образуют содержание самостоятельной уголовно-процессуальной функции – функции правозащиты (стр. 79-82, параграф 3 главы 2 диссертации).

Вызывает интерес предложенное К.А. Корчагиной деление процессуальных полномочий прокурора на две группы: исключительные полномочия прокурора и полномочия, которые он вправе делегировать подчиненным прокурорским работникам (положение 6, выносимое на защиту, параграф 1 главы 2 диссертации).

Заслуживает внимания авторское мнение о том, что в УПК РФ не обозначены основания и порядок приобретения государственным обвинителем уголовно-процессуальной правосубъектности и о целесообразности придания процессуального характера поручению прокурора о поддержании государственного обвинения помощнику прокурора и принятии прокурором решения о назначении гособвинителя одновременно с утверждением обвинительного заключения (стр. 58-59, 148 диссертации).

Справедливыми представляются рассуждения соискателя о проблемности самостоятельности государственного обвинителя в принятии процессуальных решений, когда, с одной стороны, гособвинитель выступает как самостоятельный участник судопроизводства, а, с другой стороны, «как прокурорский работник, обладающий должностной правосубъектностью, он находится в рамках жесткой централизации и субординации со своим руководителем - прокурором, и действует в пределах данного прокурором

поручения на поддержание обвинения, в связи с чем обязан поддерживать позицию прокурора» (стр. 60-61, 153-154 диссертации).

В работе имеется и ряд других, заслуживающих внимания теоретических положений (исследование целей и предмета прокурорского надзора в уголовном судопроизводства (стр. 91, 99-101 диссертации), критический анализ полномочий прокурора по надзору за исполнением требований закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (стр. 104-107 диссертации), вывод о необходимости возложения на органы следствия обязанности предварительного согласования с прокурором ходатайств по вопросам применения мер пресечения или производства следственных действий, требующих получения судебного решения (стр. 110 диссертации) и др., а также предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Всё это послужило основой для создания автором научно обоснованного представления о месте и роли прокурора, государственного обвинителя, иных должностных лиц органов прокуратуры в системе участников досудебного и судебного производства по уголовным делам, выдвижения ряда аргументированных предложений по совершенствованию правового регулирования их уголовно-процессуального статуса, которые в комплексе представляют собой пути устранения выявленных в ходе диссертационного исследования дефектов нормативного регулирования и практики осуществления уголовно-процессуальной деятельности указанных должностных лиц.

Все выводы и рекомендации автора основаны **на применении надежной методологии исследования**. Автором использованы общенаучные (системный, анализа и синтеза) и частно-научные (историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой, правового моделирования) методы познания, а также методы социологического исследования (анкетный опрос и анализ статистических данных).

Эмпирическую базу исследования составили данные, полученные в ходе самостоятельного изучения автором материалов 187 уголовных дел и надзорных производств; результаты анализа статистических данных о работе органов прокуратуры, представленных на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ, Верховного Суда РФ, официальном сайте Судебной статистики РФ и других источниках официальной информации; опроса 124 должностных лиц органов прокуратуры, 32 сотрудников Следственного комитета и 85 адвокатов; материалов ранее проведенных исследований других авторов.

Объем и характер собранных эмпирических данных обеспечил репрезентативность результатов диссертационного исследования и является основанием для вывода об их обоснованности и достоверности.

Диссертантом сделано значительное число предложений по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства и практики их применения, многие из которых заслуживают поддержки (стр. 63, 110, 116-117, 125, 147, 154 и др. диссертации, Приложение 1, 2).

Тем самым, многие содержащиеся в диссертации положения, выводы и рекомендации, а равно используемая для их обоснования аргументация представляют научный интерес и могут быть расценены как **личный вклад автора в науку уголовного процесса**.

Основные положения и выводы диссертационного исследования К.А. Корчагиной прошли **достаточную апробацию**. Соискатель неоднократно выступала с докладами по теме диссертации на научных мероприятиях международного и всероссийского уровня, имеет 7 публикаций, 6 из которых размещены в рецензируемых научных изданиях, входящих в Перечень, рекомендованный ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Результаты исследования используются в учебном процессе кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского государственного университета.

Все отмеченные выше достоинства свидетельствуют о самостоятельном характере и достаточном теоретическом уровне представленного К.А. Корчагиной диссертационного исследования. Выводы, сформулированные в диссертации, в целом логичны и убедительны. Усилиями автора создана творческая работа, теоретическая значимость которой обусловлена сформулированными концептами, раскрывающими системные связи между правовым статусом должностных лиц органов прокуратуры, их правосубъектностью и участием в уголовно-процессуальной деятельности.

Однако наряду с указанными достоинствами рассматриваемой работы в ней имеются и некоторые противоречивые, не всегда последовательные или недостаточно обоснованные положения.

- Так, интересной, но весьма уязвимой представляется попытка автора рассматривать надзор прокурора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования не в качестве вида отраслевой уголовно-процессуальной деятельности, а как деятельность универсальную, носящую надпроцессуальный характер, которая должна регламентироваться не уголовно-процессуальным законодательством, а Законом о прокуратуре (положение 4, выносимое на защиту).

Автор справедливо связывает уголовно-процессуальную правосубъектность властных участников уголовного процесса – должностных лиц – с их должностным статусом и уголовно-процессуальным статусом. Но при этом полагает, что прокурор как руководитель органа прокуратуры вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основании своей должностной правосубъектности без получения уголовно-процессуального статуса. На основании этого

диссертант считает, что надзор прокурора за органами предварительного расследования, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность, не дает оснований для отнесения данного вида надзора к уголовному судопроизводству (стр. 51 диссертации), что в уголовном судопроизводстве «надзирающий прокурор организационно и предметно дистанцирован от поднадзорных субъектов и их деятельности, и в этом качестве не может рассматриваться в единой связке с участником поднадзорной деятельности», так как «выступает в качестве внешнего наблюдателя» (стр. 52, 99 диссертации).

Но с такими представлениями трудно согласиться. При производстве по уголовным делам надзор прокурора – это не «взгляд со стороны», и он находится не «за пределами», а в «рамках уголовно-процессуальной деятельности»: прокурор дает указания дознавателю, утверждает некоторые его решения, отстраняет дознавателя от производства по делу, отменяет решения дознавателя и некоторые решения следователя и дает им при этом указания и т.д.

И приведенный автором в подтверждение своей позиции аргумент о том, что прокурору для осуществления надзора за органами предварительного расследования не требуется получения дополнительного уголовно-процессуального статуса, напротив, свидетельствует о том, что прокурор является именно участником уголовного судопроизводства, в отличие от иных сфер государственной деятельности, за которыми прокурор осуществляет лишь надзор.

Кроме того, уголовное судопроизводство представляет собой особый, специфический вид государственной деятельности, порядок осуществления которой регламентируется специальным законом – УПК РФ. Отдельные правоотношения, возникающие при производстве по уголовному делу, могут быть предметом регулирования и в иных законах. Однако вряд ли допустимо считать, что полномочия органа дознания, следователя или мирового судьи

при производстве по уголовным делам возможно регламентировать не в УПК РФ, а в законах о мировых судьях, о полиции, о следственном комитете и т.д. Безусловно, что прокуратура осуществляет единый надзор за законностью всех видов государственной деятельности. Но особый характер уголовного судопроизводства предполагает и специальный порядок регламентации полномочий его участников; и те полномочия, реализация которых дает прокурору возможность надзирать за деятельностью следователя и дознавателя, носят отчетливо процессуальный характер и должны быть регламентированы в специальном уголовно-процессуальном законе.

- Несколько противоречивыми видятся рассуждения автора о том, что прокурор не осуществляет производство по уголовному делу, а лишь обладает государственно-властными полномочиями (параграф 2 главы 1 диссертации), что он не осуществляет расследование преступлений и разрешение уголовных дел, составляющих содержание уголовного судопроизводства (с. 50 диссертации), что прокурора нельзя рассматривать как участника стороны обвинения и даже вообще как участника уголовного судопроизводства (параграф 2 главы 2 диссертации). Но далее в параграфе 3 главы 2 диссертации автор заявляет, что прокурор все же осуществляет уголовное преследование (обвинение) в досудебном и судебном производстве, используя различные по характеру, содержанию и направленности формы деятельности.

Хотя прокурор в настоящее время лишен права возбуждать уголовные дела и принимать непосредственное участие в предварительном расследовании, несомненно, что утверждение прокурором обвинительного заключения (акта, постановления) – это самостоятельный этап уголовного судопроизводства, и по нашему мнению, его допустимо рассматривать в качестве отдельной, завершающей стадии досудебного производства, на которой уголовно-процессуальная деятельность осуществляется именно

прокурором. И эта деятельность в равной степени носит как надзорный характер, так и характер деятельности по уголовному преследованию.

- Столь же противоречивыми представляются и некоторые иные утверждения автора. Так, на стр. 54 диссертации К.А. Корчагина пишет, что «регламентируя полномочия прокурора по осуществлению функции уголовного преследования (обвинения), УПК РФ возлагает на него лишь поддержание государственного обвинения в суде. Никаких других полномочий прокурора, составляющих содержание функции уголовного преследования, закон не указывает», что полномочия прокурора в досудебном производстве не связаны с обвинительной деятельностью (с. 68 диссертации).

Безусловно, что уголовное преследование как направление деятельности прокурора значительно отличается от уголовного преследования, осуществляемого следователем и дознавателем. Но нет никаких оснований говорить о том, что уголовное преследование в досудебных стадиях процесса прокурором не осуществляется. Хотя сегодня прокурор в досудебном производстве лично не проводит следственные действия, не предъявляет обвинение, не применяет меры процессуального принуждения, ему все же предоставлены достаточно широкие возможности влиять на ход уголовного преследования, осуществляемого органами расследования. Прокурору предоставлена возможность инициировать уголовное преследование (полномочие выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ)). В ходе предварительного расследования прокурор имеет возможность активно влиять на уголовное преследование посредством реализации полномочий по руководству дознанием, и в целом обеспечивать эффективность деятельности по уголовному преследованию. Использование прокурором полномочий по даче

письменных указаний дознавателю о направлении расследования и производстве процессуальных действий, передаче уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому и т.д., выступают действенными инструментами, позволяющими прокурору обеспечить законное, эффективное и результативное уголовное преследование. Яркое выражение функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве - это утверждение итогового документа по результатам проведения предварительного расследования (обвинительного заключения, акта или постановления). К.А. Корчагина сама говорит об этом на стр. 77-78, 93, 108 диссертации, указывая и на другие полномочия прокурора, которые свидетельствуют «о его участии в осуществлении уголовного преследования (обвинения) на досудебном производстве» (стр. 94 диссертации), и в итоге заявляя о «самостоятельности и уникальности уголовного преследования прокурора в досудебном производстве» (стр. 120 диссертации).

Полагаем, что уголовное преследование и надзор в деятельности прокурора сегодня существуют как единое целое, поскольку осуществление надзора без возможности оказывать воздействие на уголовное преследование противоречило бы назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), а также не позволило реализовать весь правозащитный потенциал органов прокуратуры. И в силу этого мы не можем согласиться с мнением соискателя о том, что функции надзора и уголовного преследования реализуются «прокурором не одновременно, а последовательно друг за другом: первоначально прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов расследования; а после завершения надзора – уголовное преследование (стр. 90-91 диссертации).

- Справедливо критикуя нечеткость использования в УПК РФ понятий «уголовное преследование» и «обвинение» для обозначения соответствующей уголовно-процессуальной функции (стр. 74-76

диссертации), автор и сам путается в данных понятиях в своих рассуждениях о деятельности прокурора. Уголовное преследование – это сквозная уголовно-процессуальная функция, реализуемая прокурором и в досудебном и в судебном производстве. Обвинение же – это основная форма осуществления уголовного преследования. И в судебном разбирательстве прокурор осуществляет функцию уголовного преследования в форме поддержания государственного обвинения, приобретая статус государственного обвинителя.

- В целом соглашаясь с мнением автора о том, что предмет прокурорского надзора за исполнением законов органами расследования составляют процессуальные решения органов дознания и предварительного следствия, вынесенные в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, ограничивающие или затрагивающие права и свободы человека и гражданина (параграф 2 главы 2 диссертации), считаем нецелесообразным предложение соискателя о законодательном закреплении перечня таких решений и детализации надзорных полномочий прокурора по видам решений органов предварительного расследования.

Не вполне убедительным выглядит предложение автора в целях устранения допущенной в УПК РФ полисемии при использовании понятия «прокурор», закрепить нового участника уголовного судопроизводства от органов прокуратуры - представителя прокурора, под которым предлагается понимать «должностное лицо органа прокуратуры, участвующее по поручению прокурора в судебных заседаниях, проводимых в досудебном производстве либо после вступления приговора в законную силу в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства» (положение 7, выносимое на защиту, стр. 157 диссертации). По мнению К.А. Корчагиной, такое лицо не обладает процессуальным статусом прокурора и не выполняет функции уголовного преследования и надзора, а лишь

обеспечивает предусмотренный законом порядок уголовного судопроизводства.

Но, судя по положениям части 6 статьи 108 УПК РФ, при разрешении судом ходатайств об избрании обвиняемому (подозреваемому) меры пресечения законодатель рассматривает прокурора как сторону обвинения, предусматривая, что он обосновывает заявленное ходатайство. Фактически же прокурор, участвующий в таких судебных заседаниях, реализует возложенную на него функцию надзора за процессуальной деятельностью органа расследования, так как он вправе не поддержать заявленное следователем ходатайство.

Кроме того, использование термина «представитель» применительно к прокурору диссонирует общепринятому, устоявшемуся в теории уголовного процесса значению и сущности представительства в сфере уголовного судопроизводства.

Хотя работа в целом отличается хорошим стилем изложения, все же она не свободна от некоторых редакционных погрешностей и грамматических ошибок (с. 68, 70, 71, 78, 89, 96, 109 и т.д.)

Высказанные замечания носят частный характер, касаются дискуссионных положений и ориентируют автора на более четкое формулирование и развернутую аргументацию своих научных взглядов. Они не влияют на общую положительную оценку представленной к защите диссертации.

Автореферат диссертации отражает основные положения проведенного К.А. Корчагиной исследования. Содержание работы достаточно широко представлено в опубликованных автором статьях.

Таким образом, диссертация К.А. Корчагиной на тему «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве», представленная на соискание ученой степени кандидата

юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям пунктами 9-14 раздела II Положения о присуждении ученых степеней, утв. Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года № 842 (в последней ред.), является самостоятельной, завершенной, творческой, обладающей внутренним единством научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей значение для науки и практики уголовного судопроизводства, а ее автор – Кристина Александровна Корчагина заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

заведующий кафедрой уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
доктор юридических наук, профессор

Нина Сергеевна Манова

12 сентября 2025 г.

Сведения об оппоненте:

Манова Нина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия», научная специальность 12.00.09 — Уголовный процесс

410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Чернышевского, зд. 104, стр.3.

Официальный сайт: <http://www.сгюа.рф/ru/>

Телефон: +7 (8452) 299-071

e-mail оппонента: n.manova@mail.ru тел. 8-917-215-5212

